

Алиша Сенижанов

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Роман

Перевод с казахского
Н. Гордеевой и В. Дудинцева

Есенжанов Хамза.

Е 82 Много лет спустя. Роман. Перевод с каз. Н. Гордеевой, В. Дудинцева. Алма-Ата, «Жазушы», 1969.

336 с. 100 000 экз.

70 коп.

Новая книга известного казахского писателя Хамзы Есенжанова «Много лет спустя» является логическим продолжением его трехтомного романа «Яик — светлая река». В книге изображена жизнь казахского аула перед коллективизацией, показана роль коммунистов в борьбе за советизацию аула, за пробуждение самосознания трудящихся масс в период перехода от старого социального уклада к новому, социалистическому. Автор на примере жизни и деятельности братьев Жунусовых — Хакима и Адильбека — показывает, как закалялись казахские национальные кадры в борьбе за социализм.

7-3-3
299-69

Часть первая

БРАТЯ ЖУНУСОВЫ

Глава первая

1

Красочна и неповторима весна в долине реки Яик. Первым прилетает теплый ветерок, и сразу же начинается поспешное бегство темных пестрых туч. Громоздясь, они торопливо уплывают куда-то, и наступает месяц кукушки. Земля набухает, будто плавится в лучах солнца, и сейчас же трогаются в рост все травы степи: что ни день — отрасли на целую ладонь. На высоких местах кудрявится жу-сан — молодая еще полынь; где пониже — зеленеет кийкото, корм диких коз, а на ровных луговинах охорашивается травка еркек, вся в алых цветах, и тысячи мелких мотыльков уже суетятся в ее плотных зарослях. Порывами налетает дурмящий аромат травы илан, щедрая степь обдаёт лицо свежестью, берет человека в плен. Но особенно хороша здесь утренняя пора, когда все окутано маревом, а в небо, крутясь, как веретено, поднимается жаворонок и там, трепеща в вышине, словно баюкает всю окружающую красоту.

В один из таких дней, в самый разгар весеннего торжества, по большой проселочной дороге катил фаэтон с откинутым назад верхом, запряженный парой темно-серых коней.

Не пылит еще в это время голая, чуть сыроватая дорога, хоть быстро катит, мягко пружиня, фаэтон, а темно-серый конь, скачущий в пристяжке, то и дело сбивается на галоп. Лишь под колесами — не выше обода — взмывается непросохшая пыль и тут же ложится чуть заметной серой полоской.

В фаэтоне трое: один впереди, на козлах, двое — за его спиной, на мягких сиденьях. Тот, что на козлах, нисколько не похож на кучера. Как и его спутники, он одет по-русски: аккуратно подпоясанная серая гимнастерка, галифе, черная шляпа, на ногах — хромовые сапоги. Да и осанка у него величественная, он как будто, по меньшей мере, полновластный хозяин всей округи: смотрит героем, тонкие черные усы слегка закручены, кони летят, а он еще и вожжами поддерживает, подхлестывает серых.

Кучер-казах из тех, кто никогда не устанет слушать рассказы о быстрых скакунах и гончих собаках, да и сам не умолкнет до утра, если дорвется до рассказа, сейчас был очень доволен своими конями. Нарядная степь взяла и его в свой плен, душа поет, чувства рвутся наружу. Да и как ей не петь: кто еще кроме него едет по степи на таком сверкающем фаэтоне, кого еще мчит так хорошо подобранная пара серых скакунов, гибких, как стальные шомпола? А какие ездоки в фаэтоне — царевичи! Один из них самый сильный из сильных, настоящий властелин. Смотрящий за всеми, над всем уездом пыркарол!¹ А второй возвращается с учебы из такого красивого и далекого города, где не бывал еще ни один казах из здешних мест. Из города далекого, как Мекка, и прекрасного, как Дамаск! Приехал на каникулы, так же как сын знаменитого Шугула Ихлас. Что Ихлас? Он сильнее самого хана Жанши. Это же истинные султаны, по одной только их порме² видно! — думал кучер и даже невольно привстал на козлах. Чтобы дать выход чувствам, бьющим через край, заговорил о конях:

— Как на крыльях летят, а? Земли не касаются! Одно плохо — байские, а так самые быстрые из всех, кому аллах дал волосатый хвост. Оба как один тот меднокопытный, что в шесть скачков месячную дорогу одолеет. Тулпары, настоящие тулпары! Хоть и плохонький ваш ага, а коней выбирать умеет. Да и править может, не так ли, ребята? — он обернулся.

Джигиты, сидевшие в фаэтоне, откинулись на мягкие спинки сидений, с улыбкой переглянулись и кивнули ему. Но кучер, ждавший не такого подтверждения своим словам, остался недоволен. В сердцах огрел пристяжного и снова заговорил:

---

¹ Пыркарол — искаж. «прокурор».

² Искаж.— форма. Имеется в виду одежда.

— Эх, меднокопытные, стелись! Не помчитесь — с вас спрошу, не заставляю вас — с меня спросите.

И опять повернулся к седокам:

— Ну как, ребята, умеет ваш ага конями править? Иной на таких красавцах как на ишаках плетется. Ночует в пути. А я одним махом еще до вечера довезу вас до города.

— Довезете, Сулеке, довезете, — серьезно кивнув, согласился старший из джигитов. — С такой ездой вы не только в Кзыл-уй, но и в Кара-тобе будете еще сегодня. Только не гоните коней — ведь так можно их и загнать.

Даже не взглянув на него, кучер с достоинством приосанился и, подняв руку с висящим на ней кнутом, молодецки закрутил кончик черного уса.

— Карагым-ау, свет моих очей, это же не жирные застоявшиеся кони, чтоб их загнать. Не видишь — они же и для скачек готовы. Хоть двести верст скачи на таких — ноздрей не шевельнут. А до нашего Кзыл-уй всего каких-то сто тридцать верст. Да и день прохладный и дорога как доска. Разгорячатся — еще до вечерней молитвы прискачем. Разве не так?

— Ну, наш Сулеке разошелся...

— И не говори, совсем выходит из берегов.

— Есть ли у Сулеке еще что-нибудь кроме этих коней?

— Кроме этих коней, говоришь? — солидно переспросил старший из путников. — Если бы у Сулеке были такие кони, он не только в Уральск — в самый Оренбург прискакал бы! И арба и кони — собственность твоего Нурыш-ага.

— А что, Сулеке-ага еще до сих пор не разбогател? — вполголоса удивленно спросил младший. — Неужели и по сей день выпрашивает в долг то коня, то корову?..

Старший бросил рассеянно:

— Спроси у него самого. Он сам лучше расскажет.

Один из джигитов — Хаким, недавно назначен на должность уездного прокурора. Тот, что помоложе, — его средний брат Алибек, студент. Из далекой столицы он едет домой на каникулы. Один брат — большой начальник, другой — студент, получивший знания в большом городе. А у Сулеймена, которому выпала честь везти их из губернского города в уезд, восторг в избытке, бьет через край — как воды озера Шалкар, вышедшего из берегов.

«...Пыркарол! Из казахов один только был пыркарол — Жанша. Не было кроме него из казахов ни одного пырка-

рола. А теперь им стал наш Хаким! Э-э, наш род, видать, тоже не из слабых! Нет, не из слабых!..»

Сулеймен выпрямился. Не совсем еще уверенный в мощи своего рода, повернулся к задумавшемуся Хакиму.

— Скажи-ка, Хакимжан, кто из казахов кроме известного тебе Жанши смог стать пыркаролом? В прежнее, конечно, время... Сейчас-то ведь ты сам стал. По-моему, ты да Жанша, больше никто не смог. Конечно, никто! Где уж им — чтоб пыркаролом стать, надо, как ты, учиться шесть и еще шесть, да еще два — целых четырнадцать лет! Верно говорю, а?

Хаким сразу понял, куда клонит Сулеймен.

— У тебя, Сулеке, такой вид, будто в твоих табунах всего лишь на одного стригунка меньше, чем у знаменитого Есенгельды. Вон как плечи расправил, как гонишь коней. И шляпа набекрень — смотри, как бы ветер ее не сдул, — Хаким улыбнулся. — Тебе, вижу, так и хочется сравнить меня с ханом Жаншой, верно?

— А почему не сравнить? Ты и на самом деле такой! Знаниями ни на палец не ниже. Сравнивал и буду сравнивать: кто еще кроме вас двоих стал пыркаролом, ну-ка, говори. То-то: и сказал бы, да нечего. Говоришь, у меня такой вид, будто лишь на одного стригунка меньше имею, чем Есенгельды? Верно, как раз на одного стригунка меньше. Если мой Хаким, которого я еще вчера вез из Уральска учеником, стал сегодня пыркаролом, то кем же стал я? Может, у меня теперь даже больше на одного стригунка, чем у Есенгельды! Что этот Есенгельды имел кроме десяти тысяч стригунков? Злой сосед набезит ночью — что останется от десяти тысяч? Или случится джут, как в двадцать первом году, вот и останется Есенгельды со своей пастушьей палкой-куруком. Цена десяти тысячам стригунков — один джут, — с победоносным видом заключил кучер и провел пальцем по усам. Хаким чуть приподнялся.

— Все, что вы сказали, Сулеке, — истинная правда. Только в одном неправы. Если раньше у казахов кроме Жанши не было прокурора, то сейчас их в Казахстане больше двадцати. Вы знаете Габбаса? Сына Жетписса, который теперь губернский прокурор? Он гораздо значительнее Жанши — вся губерния под его надзором. А Жанша был всего лишь товарищем прокурора окружного суда. Законы, которые он отстаивал, защищали белую кость, аристократов, купцов и казачьих атаманов. А наш прокурор защи-

щает бедняков-тружеников, вроде тебя. Такие прокуроры есть везде: и в Семипалатинске, и в Петропавловске, в Акмолинске, в Семиречье, в Актюбинске, в Тургае — во всем Казахстане. Поэтому сравнивать меня с Жаншой будет неправильно. Мой чин хоть и невелик, но дело мое — выше всех его ханских дел, я отстаиваю народные интересы.

— Правду говоришь? Столько пыркаролов вышло из казахов?

— Во всех губерниях губернские прокуроры из казахов, а в уездах — уездные.

— Хакимжан, я ничуть не против того, чтобы ты был выше самого Жанши. Мне мало было проку от его величия. И видел-то я его всего один раз — той осенью, когда Ихлаас пригласил хана в дом своего отца, хаджи Шугула. Да и видел-то за целую версту, когда он охотился на уток. А ты вот рядом со мной сидишь, ясно, что мне выгоднее, чтобы ты был сильнее всех. Иллахи бол — дай бог! — закончил Сулеймен, молодецки щелкнув вожжами.

— Слышал, что Сулеке говорит? «Будь могущественнее самого Жанши-хана!» Ох, до чего же почитают казахи могущество и величие...

Хаким не успел договорить: брат его вдруг встрепенулся, привстал, словно собираясь запеть во весь голос, и, сорвав с головы кепку, широко развел рукой, словно обнимая степной простор:

— У одного поэта спросили: «Скажи, что самое красивое в этом мире?» И он ответил: «Зеленая степь красива, журчащий родник красив, милая жена красива!» Вот она, эта красивая степь. Знакомая, дорогая сердцу картина! Смотрите, какое озеро! Здесь, у этих берегов, бегали, держась за руку, влюбленные Бекей и Мауляна, которых разлучила беспощадная судьба. А вот мазар — памятник, поставленный богачом Есенгельды его жене Бургумаш. А вон гора Сынтас, похожая на прилегшего белоголового верблюда! Вон и две речки-близнецы, Анхаты, изрезавшие степь своими петлями. А там, как всегда, окутан маревом знаменитый курган, на него поднимался когда-то батыр Срым. А это Мын-Шукур, то место в степи, где растет дикий орех величиной с сердце. А это что блестит? Озеро Шалкар, в нем рыбы играют, как жеребята. Смотри! Где ты найдешь землю красивее этого края? Что может быть дороже родных мест, где ты в детстве играл в бабки, скакал на лоша-

ди в бешеной байге, где впервые стащил с седла своего противника в игре аударспак!..

Хаким глядел в возбужденное лицо своего брата, словно впервые его увидел. Таким вот был и сам он десять лет тому назад. Точь-в-точь, словно себя разглядывал в зеркало: стройная, суховатая фигура, чистое лицо, ясное, словно гладь утреннего озера, каштановые шелковистые волосы, прямой нос с нервно-подвижными, как у дикой козы, ноздрями, восточный разрез глаз, быстрый, острый взгляд — все это напоминало Хакиму его самого. Он улыбнулся.

— Истомился, видать, по родному аулу... Когда-то и я вот так пожирал глазами родную степь... Бывает такая пора в жизни человека! Как это ты сказал — «Гора Сынтас, похожая на прилегшего одnogорбого верблюда, речки-близнецы Анхаты» — так? Ах ты, мой маленький романтик, ах ты, мой мечтатель!

— Никакой я не романтик. Просто люблю красивые места родного края, землю, где, «потеряв верблюжонка, вдруг находишь его, ставшего могучим гордым атаном¹, где от одной овцы в степи разрастается тысячеголовая отара». Хвалюсь и горжусь горой Бура в Кокчетау, своим светлым Яиком и белоснежным Алатау. Мне хочется без конца говорить, петь, слагать кюи о красоте моей земли.

Хаким в юности очень любил своих двух братьев, особенно застенчивого и мягкого Алибека. Сейчас Алибек показался ему таким же, как в детстве, захотелось расцеловать брата, но сдержался.

— Пой! Восторгайся! Это очень хорошо. Но только не преувеличивай...

— А где, в чем я перехватил через край? Разве не правда, что у каждой ковылилки в моей степи стоит по коню? Разве не могу я так сказать о пасущихся вокруг бесчисленных табунах? Это не романтика и не преувеличение, наоборот, мало я еще сказал.

— Край бесчисленных табунов, из которых вышли тулпары Кобланды-батыра... по-моему, это уже устарело. Прошлые времена...

— Хаким-ага, а не кажется ли тебе, что ты немножко угас? Ты смотришь слишком прямо, буднично на этот мир. А ведь ты еще не старик. Прошлые, говоришь, времена? А разве наше время не продолжение прошлого? Разве я не

¹ А т а н — рабочий верблюд.

сын отца, а отец — не сын моего деда? Ведь эта речка текла и вчера и сто лет назад. И земля эта в старину была такая же...

— Ого! Ты, оказывается, не просто романтик, а романтик-философ. Но все же надо тебе знать, что разница между вчерашним и сегодняшним — как гора.

— Ну, это только с виду. А если разобраться, разницы и с просыное зернышко не найдешь. Древний Сынтас все так же лежит, как опустившийся на колени атан. По-прежнему неподвижен и загадочен. И по-прежнему красив и дорог. А это озеро Ханколь — вряд ли сто лет назад оно было другим. Подойдешь весной — утиные и гусиные стаи так и взорвутся. И растают, как базар к концу дня. Хочется, чтобы и через сто лет все оставалось таким же...

— Скажи, Хакимжан, ты ведь много знаешь, — был ли где-нибудь краснойбай сильнее Кара Мамбета? — вклинился в разговор братьев Сулеймен. — Не было, по-моему, а?

— Что ты хочешь этим сказать, Сулеке? На свете много было толковых ораторов-шешенов, были наверно и речистее Мамбета. Кара Мамбет был остер на язык, это верно, но известно и другое, что Кара Мамбета ведь звали еще и Мамбетом Картавым.

— Как бы ни называли — ясно? — никто лучше его не умел говорить. А вот послушал я Алибекжана — ну чем не Кара Мамбет? Нет, лучше его! Мамбет был мастак на прибаутки, ловок был шутить, а наш Алибекжан по всем статьям — шешен. Уверенно идет: описал нашу степь, будто на ладонь мне ее посадил. Ничего нет красивее степи. Точно рисует.

Хаким посматривал то на Сулеймена, то на брата. Один бахвалится конями, фаэтонами, родственником-начальником — не уместается на козлах, так раздулся от важности. Будто он и есть самый сильный, самый счастливый человек на свете. А второй того пуще. Только не себя хвалит — для него весь мир наполнен музыкой, везде ему слышится песня. «Да-а, редко я их за последние годы видел, не часто приходилось с ними говорить, — думал Хаким, улыбаясь, щурия уголки глаз. — Даже и не предполагал, что человек может так быстро измениться. Сулеке, правда, и раньше любил прихвастнуть, но теперь он в этом достиг высшей степени. Быстро все же меняется жизнь человека! Кем он был вчера, этот Сулеймен? Плетка да кляча — вот и все его имение. А сегодня он сам себе совет, сам и хозяин. Может осед-

дать любого коня, в любое место съездить, и собой и людьми доволен. И не просто доволен — чувствует себя опорой неба. А Алибек... говорят, стихи пишет. Весь живет мечтой, как поэт, который сказал: «Вот если б говорящий с богом Моисей мне уступил свой посох или мудрый Соломон мне кольцо свое отдал...»

Сулеймен все так же не ослаблял вожжей, горячил дружно рысивших коней, и путники вскоре достигли речушки Малой Анхаты, в сорока километрах от Уральска.

У брода, почти всегда шумного — здесь обычно выпрягают коней, поят их, смазывают колеса, — сегодня стояла глухая, мертвая тишина. Только одна женщина шла с ведром воды навстречу фаэтону, спускавшемуся к реке, должно быть, хозяйка одинокой землянки на бугре. Неугомонный балагур Сулеймен увидел ее.

— Уа, моя балдыз, здорово! Как поживаешь? Балдыз с полным ведром воды! Теперь нам до конца будет удача!

— Это какая же из твоих своячениц? — удивился Хаким.

— Каждая казашка моложе моей жены приходится мне балдыз, — небрежно бросил кучер.

Женщина недоуменно уставилась на них. «Создатель мудрый, кто же это такие? Что это за зять?» — должно быть, думала она, до самого дома оглядываясь назад.

Сулеймен, не сдерживая коней, подъехал к самой воде. Тут прямо у ног пристяжного серого вымахнула, покинув свое жилище под кустом, степная сова с огромными оттопыренными ушами. Пугливый конь, боявшийся даже жаворонков, часто выпархивавших из полыни, шархнул в сторону.

— Куда тебя черт несет! — Сулеймен из последних сил натянул вожжи.

Но пристяжной уже утащил фаэтон в воду. Кони сошли с твердого грунта дороги и, увязая по брюхо в жирной глине, отчаянно устремились к противоположному берегу. Со дна поднялась черная густая муть. Река, довольно широкая, была все же здесь мелкой: по брюхо коню. Но дно оказалось рыхлым, зыбучим, задние колеса фаэтона глубоко осели, а передние вздернулись и подрагивали, как два поплавка.

Вначале Хаким опасался, что пристяжной рванется и опрокинет фаэтон. Теперь он всерьез забеспокоился, как бы не остаться в этой топи надолго. Алибек, любитель неужи-

данных приключений, загляделся в помутневшую воду, будто увидел на дне золото.

Сулеймен выдернул из-под себя кнут и стгоряча больно стегнул пристяжного коня.

— Ишь, пугливый какой! Тяни теперь, раз ты такой сильный.

Обожженный кнутом, пристяжной рванулся, порвал постромку и, вырвавшись из упряжки, стал боком перед мордой коренника. Темно-серый рослый коренной тоже рванул было раза два и безнадежно затих, замер. Вытащить фаэтон с тремя людьми и поклажей, увязший по ступицы в грязь, было ему не под силу, да к тому же и пристяжной загородил путь.

Путники растерянно умолкли, только кучер, понявший свою вину, бормоча что-то себе под нос, ругая то ли пугливого коня, то ли речку без моста, стал разуваться. Засучив повыше штаны, он спустился в воду, стал пятить пристяжного на место.

— Так, так, не дури, дорогой! Ты же умная тварь, битья тебя не буду. Не балуй! Лучше позволь мне натянуть постромку и вытащи нас из этой трясины. Стыдно ведь — завязли средь бела дня в паршивой луже! Ну вот, так, так, понял, что я хочу. Еще чуточку назад! Вот и все. Умница! Давно бы так, баловник упрямый!

Осадив наконец коня на место, Сулеймен хотел было узлом связать постромку, но понял, что ничего из этого не выйдет.

Как раз в это время с крутого спуска съезжала к реке пролетка с поджарым красным наром — одногорбым верблюдом — в упряжке. Рядом с верблюдом рысил на поводу крупный белый с сивым конь. Подъехав к реке, человек, сидевший в пролетке, свернул с дороги и направил нара прямо по топи к фаэтону.

— Судя по тому, как ты умудрился с такими конями застрять там, где воробью и то по щиколотку, ты, черношляпый, видать, как захудалый ягненок — корми тебя хоть медом, все равно человеком не станешь! Ишь, скукожился, как зайчонок. Совсем как тот жумуктинец из Кармолы, который и без дождя всегда мокрый. Давай, тяни коренника за поводья! Живее!

Подъехав сбоку, незнакомец взялся левой рукой за валец фаэтона, а правой слегка стегнул вожжами своего нара. Красный нар глухо рывкнул и, не сбавляя хода, пошел даль-

ше, а его хозяин, все так же, сидя в пролетке и крепко ухватившись за валец фаэтона, уверенно вытащил его из грязи, будто камышиный стебель. Почувствовав облегчение, коренник, не отставая от нара, натянул постромки, а Сулеймен, увязая по колено, все тянул коня за повод и так, сделав сорок-пятьдесят шагов, вскоре вышел на твердый берег. Хозяин красного нара проехал дальше на дорогу и, обернувшись, небрежно бросил:

— Доброго пути вам, мирза! Благодаря бестолковости вашего хилого кучера встретился с вами в таком неподходящем месте — даже поздороваться не смог, как положено.

Сказав это, хозяин нара мигом выхватил из-за голенища ичига большую черную шакшу — плоскую табакерку, сделанную из рога. Быстро, ловко отсыпал на ногу порцию насыбая и коснулся левой ноздри. Так же молниеносно поднес понюшку и к правой ноздре. При этом, в один прием, он окинул изучающим взглядом из-под густых насупленных бровей Хакима, сидящего рядом с ним Алибека, коней и фаэтон — все сразу. Особенная манера нюхать насыбай, колючий настороженный взгляд и грубоватый голос этого человека показались Хакиму знакомыми настолько, будто встречался с ним вчера. Не найдя сразу нужного ответа, Хаким все же сказал:

— Вам тоже доброго пути, отагасы¹. Из-за этого вот пугливого коня застряли мы малость...

И встречный взор Хакима обшарил человека с наром, его и его тарантас, будто чего-то ища. Его не покидало ощущение, что он где-то видел этого человека.

...На голове незнакомца войлочная шляпа, на плечах — широкий домотканый шекпен из верблюжьей шерсти. Судя по тому, как высоко поднимается над грядкой пролетки могучая грудь, надо полагать, он очень высокого роста. И лицо, кажется, знакомо: продолговатое, орлиные надбровья, крючковатый нос. Рука, что выволокла фаэтон из грязи, была как нога верблюжонка. Пальцы, подносявшие понюшку, — каждый длиной в пядь, огромная ноздря втянула насыбай, как труба. И ведь совсем легко, одной рукой выволокла фаэтон, который не мог вытащить даже конь, — это говорило о его дьявольской силе.

И сам этот человек, так неожиданно, хоть и кстати, встретившийся им, его басовитый сильный голос, властный

---

¹ Отагасы — почтительное обращение к старшему.

тон, смелая, язвительная речь и то, что он сам, без просьбы подъехал, помог вытащить повозку, и его могучий нар и белый с сивым конь на поводу — все было в нем необычно, невольно заставляло задуматься.

— Большое, как гора, спасибо тебе, отагасы! — говорил тем временем Сулеймен. — Нет, даже больше горы рахмет тебе! Ясно, что ты так же могуч, как и твой нар. Аллах свидетель, если бороться захочешь с кем, пары тебе не найти. Кроме нашего Шайдуллы нет такого казаха, чтобы решился схватить тебя за пояс. Ты, отагасы, обозвал меня жумуктинцем... Как может быть жумуктинцем джигит, рядом с которым сидит сам пыркарол, как хан Жанша? Разве может жумуктинец ехать на такой арбе, это ведь фаэтон, и на таких темно-серых конях? Ты сильный человек, отагасы, а вот не разобрался: я Сулеймен, сын известного всем Нарботы из рода Баркын. Сам-то хоть ты кто, такой гордец?

— Может быть, твой отец Нарбота и был достоин своего имени, был действительно нарком. Только ты-то, я вижу, всего-навсего атанша, холощенный верблюжонок, целыми днями валяющийся в золе. Кончай свою болтовню, корми, пои коней и вези скорее домой этих уважаемых людей, азаматов. Зачем я тебе понадобился? Может, в сваты навязываешься? И без тебя хватает таких, кто высматривает меня везде, будто сосвататься со мной собирается. — Говоря это, хозяин нара не спускал глаз с Хакима. — Только у меня нет охоты получить подарок от такого родственника.

Хаким задумчиво смотрел на рослого человека. Он запутался в воспоминаниях, пытаясь восстановить картину, свидетелем которой был сам несколько лет назад.

И вдруг, встретившись глазами, оба, как замороженные, в упор уставились друг на друга. «Он! Караван-баши у Ахметше! Тот самый, высокий и чернолицый, что грузил оружие в фургоны. Красные нары были запряжены тогда в этих подводах. А когда ночью караван был захвачен, молодчик этот исчез на коне. Он! Даже этот белосивый конь, наверно, тот же», — заключил Хаким.

Верная догадка сразу успокоила Хакима. Он взглянул на брата. Тот с восхищением смотрел на странного путника, губы его шевелились.

— Не из рода ли Адая этот человек? — шепотом спросил он. — Это же самый настоящий батыр! Смотри, как он нюхает насыбай — прямо ужас! Кто он такой, Сары-ага, ты не знаком с ним?

Хаким промолчал. Говорить о возникшем предположении было еще рановато.

Поспешно отведя взгляд от Хакима, хозяин красного нара уселся поудобнее на своей пролетке.

— Всего вам доброго, мирза! Видеть — работа глаз, работа в дороге — езда, так ведь говорят. Стоять нет смысла, с такими джигитами беседовать надо не на дороге, а на почетном месте, за мясом молоденького барашка. Да, да, вы именно такие, и от такой беседы я бы не отказался, — и он хлопнул нара вожжами.

Красный нар опять глуховато рявкнул, повел большими выразительными глазами направо и налево и ходко зарысил по дороге...

2

Вскоре они нагнали пролетку и поравнялись с хозяином красного нара. Проезжая мимо, Хаким снова бросил пристальный взгляд в его сторону. Наметанный глаз мигом отцебил все необычное во внешности и снаряжении странного проезжего.

«Этот черный верзила с лошадиным лицом уже не тот вялый караванщик-простофиля. Это уже не крестьянин, не шаруа с огромными рукавами шекпена, которого я видел когда-то. Смотрит настороженно, свирепо, следит за взором противника, готов к схватке».

Бока и крестец поджарого красного нара — как солончак. От горба тянутся вниз белые полосы засохшего пота. Надбровья устало опущены. Жилистый, как камча, он всем своим видом как бы говорит: «День и ночь в пути. Забыл, когда сбрую снимали. На век вдавились следы на горбу».

Впряжен нар в легкую пролетку с грядками. Хаким чуть приподнялся, взглянул внутрь. Там, под бостеком — полостью из свалывшейся овечьей шерсти, — обозначался какой-то длинный предмет. Что это за штука, Хаким не успел разобрать. Лошади крупной рысью помчали фаэтон дальше.

«Видно, оружие прячет, черный дьявол. Такой с пустыни руками путешествовать не отпавится. И под широченым шекпеном тоже, наверно, что-нибудь есть», — подумал Хаким.

Красный нар, шедший попеременно то шагом, то рысью, нылил уже далеко позади. Путники и не заметили, как по-

кинули долину реки Яик. Теперь они ехали междуречьем. Степь становилась суше, скудела травой. Хаким, оглядываясь, различал в пыльном мареве лишь голову да горб все больше отстававшего верблюда.

— На вислогубом, статном наре ездит знатный или седает огневого скакуна, — продекламировал Алибек, перебивая думы Хакима. — Вот истинный мирза, герой просторной степи. Вот он какой, джигит из джигитов — салкам-сере!

Алибек, только что восхищавшийся величиной и красотой степи, теперь воспевал ее героя — хозяина красного нара.

— А силища какая! Как ребенок игрушку, подхватил нас и поставил на твердую землю. А сам каков! Только в таком теле и может родиться подобная сила. А шакша, шакша! Не шакша, а целый сом! Как говорится: по бороде и щипцы. Сулеке, видали вы, как он нюхал насыбай? Ой-бой, ужас! То, что он взял на ноготь, для меня целая горсть. А он и не чихнул. Втянул, как печная труба дым! А рука! Вот это рука! Не рука — жердь. Протянул и выволоч фэзтон вместе с нами и со всей поклажей. Даже с пролетки не сошел. Скажи, Сулеке, ты действительно не знаешь его? Не может быть. Такого человека и не знать!

Студент прямо захлебывался от восторга.

— Зеница ока моего, ты что же, думаешь, Сулеке изъездил вдоль и поперек весь Малый жуз? Да этот чернолицый наверняка из какого-нибудь рода Сыик, из тех, что живут в Каратау, Караколе или в Уйшике. А может, из буйных адаевцев. Только нет, адаевец не станет запрягать нара. А этот не только запряг, но наверняка не меньше недели на нем по степи рыщет. Верблюд совсем подтянулся, сухой стал. И конь уже без соли, давно отпотел. — Сулеке будто вслух размышлял, обернувшись к седокам. — А говорит, проклятый, как! Скажет слово — с ног валит. «Ты что, говорит, в сваты просишься? Нет у меня охоты получать подарки от такого родича». Вот как припечатал! Такому скажи, что против, — и пристукнуть не постесняется... Жумуктинцем обозвал. Какой я жумуктинец?

— Жумуктинец что? Это бы еще не беда. Атаншой ведь назвал, холощеным верблюжонком, который целыми днями валяется в золе.

— Действительно язык! Не язык, а кувалда, — рассмеялся Алибек на слова брата. Сулеймен попытался повернуть речь проезжего по-своему.

— А что тут такого? Ведь сказал же ему, что я сын Нарботы. После этого уже и назвал меня атаном. А что атан? Сын нара — ничуть не обидно. Иной атан хорошего нара стоит. Я тоже мог бы обозвать его — черный нар-ревун!

— Это человек Ахметше,— заговорил серьезно Хаким,— я давно уже догадываюсь. Встречал раньше, десять лет назад. Служил он тогда караван-башой у Ахметше. Помню, точно таких красных наров он запрягал в фургоны. Из Уральска оружие возил правителям Джамбейты. Тогда я, конечно, не мог знать, что это и есть тот самый, знаменитый Коныскерей...— с этим словом Хаким вмиг повернулся к побледневшему Алибеку.

Вздрогнул и Сулеймен.

— Не может быть! Этот нарлы — Коныскерей? Знаменитый Коныскерей? Нет, ты правду говоришь, Хакимжан?..— Сулеймен оглянулся и стал искать глазами потерявшегося вдали нара. Но сзади встали холмы, и ни напуганный Сулеймен, ни Хаким уже не могли больше разглядеть путника на наре.

— Он самый! И лицо, и внешность, и конь, и повадки... все-все его. Мы, наверно, еще раз встретимся на стоянке. Смотрите, виду не подавайте, что догадываемся. Я понаблюдаю за ним.

— Не может быть! Это Коныскерей? Не знаю, верить или не верить... Ты говоришь: «понаблюдаю». Это же — дьявол. Возьмет и тут же убьет. Нет, лучше не встречаться. Если это в самом деле он... Очень опасно... Страшно. Нет, не страшно, но боюсь, отколет тут что-нибудь. Ойбай-ау, шутка ли, вся губерния, целая армия ловили его и не могли поймать...

— Брось, Сулеке! Мы что, не люди разве? «Возьмет и убьет!» Не так просто нас убить. Молва всегда приукрашивает. Не такой уж он и страшный. Откуда ты взял, Сулеке, что вся губерния за ним гоняется?

— Ойбой, око мое! Народ теперь такой пошел — каждый шорох слышит. В прошлом году в песках Адая, говорят, пятьдесят солдат целый месяц за ним бегали. Совсем было поймали... Но у него же волосатое сердце! Да и как подступиться к такому снайперу? На лету ведь в клюв ворона попадает. Отведи аллах от встречи с ним. Вот собака! И силища какая! Правда, должно быть, он...— Сулеймен опять оглянулся на дорогу.

— А я сразу понял, не простой это человек. И по виду и по хватке можно было догадаться. Однако Коныскерей?! Кто бы догадался, что путь его лежит по проезжей дороге! Всегда думал — рыщет он по хребтам, по оврагам, заросшим таволгой в рост коня. Ночует где-нибудь среди курящихся под ветром барханов. Или у разрушенного кургана, на камнях, где безлюдье, где только орел сидит, устремив взор навстречу ветру. А он спокойно едет в пролетке, и ни до кого ему нет дела! И правда, кого ему бояться? Сидит, как беркут. Поведет глазом — охватит на сорок верст вокруг. Чуть тревога, поджарый красный нар понесет на рысях, не всякий скакун потягается с ним. К тому же и белосивый конь с пружинистой ногой верблюжонка наготове — рядом идет. Да, это Коныскерей! Если даже не Коныс, все равно — отважный разбойник, Робин Гуд казахских степей, — сказал Алибек.

Тонкое лицо его, недавно еще бледное, распылалось, загорелись глаза.

— Ойпырмай, правду говорите, это Коныс? Опасно теперь на дорогу выйти. Как будем ехать? Насмерть напугал ты меня, Хакимжан. От души ничего не осталось.

— Зачем же душу терять, Сулеке? Зря связываться он не будет. Мстит тем, кто его преследует. Конечно, кто знает... — Хаким запнулся, недосказав свою мысль.

— Думаешь, не знает, кто мы такие? — спросил Алибек. «Мстит тем, кто преследует, — повторил он про себя слова брата. — Значит, и судьям и прокурорам...»

— Думаю, не знает. Хотя я уже видел его раньше. Но он, думаю, тогда не заметил меня.

— Да, но помнишь, что Сулеке сказал на переправе: «Какой я жумуктинец, когда рядом со мной прокурор поважнее Жанши сидит...» Нетрудно было догадаться, кто мы.

— Убить меня мало! Ай, яй! Это все черная сила! Когда она давит — язык не слушается. Да, да, я точно это ляпнул. Кажется, так и сказал. Убить, убить меня мало. И надо было мне сильным выказываться! Пусть бы жумуктинцем посчитал. И почему аллах не создал меня смиренным жумуктинцем?

— Смотри-ка, батыр наш, и правда, душу потерял, — засмеялся Хаким. — Что же ты думаешь, он нас троих среди бела дня так и унесет, словно козленка, под ляжкой? Кто мы, по-твоему, Сулеке, кузнечики, что ли, чтоб одной шапкой нас накрыть?

— Ойбай-ау, что ему мы, раз аулы и армия с ним не справились. Отведи, аллах, дьявола от нашей дороги.

— Не надейся, аллах не отведет. Пути наши уже сошлись,— заговорил Алибек, совсем перепугав Сулеймена.— Вон рысит его нар за тем холмом. О чем он сейчас думает, узнать бы. Может, вроде нас, гадает: кто мы да что...

Надо было как-то успокоить спутников, и Хаким повел рассказ о Коныскерее, стараясь освободить народную молву от преувеличений.

— В погоню за Коныскереем были отправлены не пятьдесят и даже не сорок солдат. К тому же те, кто поехал, были еще совсем новички, не привычные к армейской дисциплине. Так что люди сильно все приукрасили. Изловить Коныскерея поручили Ажигали, тому самому, который у нас, в волости Ащесай, в те годы был милиционером. Теперь он старшим милиционером в уезде. Кстати, Ажигали тоже любитель прихвастнуть. Но ничего не скажешь, джигит он энергичный, острый. Случалось, делал шутя то, что другим оказывалось не под силу. Оттого мы и поручили ему это дело. Он должен был раскрыть связи Коныскерея с аулами, найти след и идти за ним, не упуская из виду. Если же представится случай — задержать. Целый месяц Ажигали волочился невидимкой за Коныскереем. Раскрыл, куда тот ходит, где скрывается. Однако в аулах нашлись шептуны и даже сообщники. Кто-то распознал Ажигали, а кто-то донес Коныскерею. И знаменитый разбойник исчез на целое лето. Ушел из привычных мест, и не стало его — как вода, ушел в пески за Кызылкугой. Ажигали больше не ищет в аулах, он тоже подается в пески. С ним проводник и еще несколько человек. И вот начинается настоящая охота. На конях и пешком, обшаривая каждое подозрительное место, крадутся охотники. И в один прекрасный день наткнулись...

— Ну! А я совсем по-другому слышал...— сказал Алибек.

— Вот дьявол, ну и дьявол! В песках, значит, отсиживался!.. А дальше что? — Сулеймен слушал, изогнувшись на козлах.

— Логово его находилось будто бы верстах в двадцати пяти-тридцати от аулов. Днем прятался в песках, а ночью наезжал к людям за едой, за другими нуждами. Говорят, убежищем он выбрал очень глубокую котловину Итшагыл — Собачьи пески. Окаймляют ее гряды желтого песка. Место

глухое, редко кто туда заглядывает. Нашли его люди Ажигали и тут же допустили оплошность. Начинать надо было с коня, он пасся поблизости. А они поторопились схватить самого. Как увидели, что лежит Коныс ничком, прикрыв глаза от солнца воротом шекпена, — и о коне и обо всем другом забыли. Решили — захватим врасплох. И что же придумали? Ажигали потом вот что рассказывал:

«Конец, подумал я, дело сделано. Если его каким-нибудь чудом не унесет, сидеть ему на лошади без седла, болтая ногами. Пусть скалит зубы, когда привезем в аул, как матерого волка, словленного в песках. Но сглупил я... Оставил он нас всех с носом...»

— А как же, обязательно ни с чем оставит! — волновался Алибек, ловя каждое слово Хакима.

— Нетрудно таких оставить. Им бы вязать его, пока спал. А они подняли Коныса своим криком, вызывали, видно, на честный бой, как батыра былых времен. И все равно, даже разбудив, без труда справились бы с одним человеком. Их же был целый гурт: два старших милиционера, трое младших да еще два здоровенных нарочных из волисполкома. У этих, правда, ружья были шомпольные. Зато на тех пятерых оружия хватало. С разумом взяться, он бы и не шелохнулся. Позор, со спящим не сладили!

После этого и родилась молва: «Никому не поймать Коныскерея! Когда спит, духи предков охраняют его. Встанет — витают над его головой, сядет — и они рядом присаживаются. Руку противника останавливают, околдовывают врага». — Хаким махнул рукой и с досадой посмотрел назад, на дорогу.

— А дальше как было?

— Как могло еще быть?! — Хаким устроился поудобнее. — Этот бык, сотни раз перебивавший себе рога, знал, как действовать в такой рискованный момент. Мастер усыплять бдительность противника. Спал он чутко. Лишь услышал крик, вмиг его так и подкинуло от земли. Увидел: кругом вооруженные люди, снова прилег. Подперся рукой и так спокойненько говорит: «Э-э-э, значит, пришли. Хорошо, что это вы, а не кошачьеглазые русские или татары с головой, как яйцо. Я вас давно, признаться, поджидаю. Что же, берите, ведите, куда требуется. Только вот нюхну напоследок насыбая, и ведите». И он мгновенно выхватил из-за голенища шакшу, отсыпал насыбая на два ногтя и одним махом отправил в ноздри. Тут уж наши преследователи совсем

успокоились, видя, что враг мирно лежит себе, насыбай по-
нюхивает. Поверили, должно быть, что и в самом деле сда-
ется. Им, похоже, и в голову не пришло, что он еще может
сбежать.

А Коныс того и ждал. Наши-то совсем рты разинули,
обрадовались — сам сдается, как же! Многие опустили на-
ставленные на него ружья и пальцы сняли с курков. А дру-
гие и вовсе застыли на месте, будто воробьи перед змеей.
Но так или иначе очнулись все лишь в тот миг, когда со
страшным свистом заплясала вокруг длинная кривая сабля
Коныса. Тут уж наши храбрецы кинулись в стороны — кто
куда. Так напугались, что никто потом толком сказать не
мог, как же исчез Коныскерей. Ажигали припоминал: «Как
он оказался на бугре? Мы этого так и не поняли. Пока под-
бежали, он уже был на другом холме. Мы стрелять. Да
только ни одна пуля его не достала. Он обернулся, выстре-
лил два раза, и двух наших лошадей на месте положил.
Одна моя была. Я метров пятнадцать пролетел и прямо го-
ловой в бархан угодил. Тем и спасся, песок был мягкий,
иначе бы насмерть».

Короче говоря, пока они опомнились, Коныскерей был
уже на своем коне. Тот ждал хозяина за вторым барханом.
Ну и пропал, конечно, в волнистых песках, как сурок.

— Рассказывают, что конь всегда выручает его, под-
ставляет спину. Пасется свободно, без пут, хозяин будто бы
не треножит его. Видно, тот белосивый, что на поводу у
нарлы был, и есть этот самый конь?

— ...Да, о коне много рассказов ходит. Боевой конь.
Должно быть, специально обучен. Как говорится, жена во-
ра подстать ему...

— Нет, Коныскерей не вор, — возразил Хакиму брат. —
Он просто отчаянно защищает свою жизнь. Смельчак. В ка-
ком ауле нет своего джигита-озорника? Зачем же его прес-
ледуют? Ведь никому он не причинил зла...

— Откуда ты это взял?

— Люди говорят... Началось будто из-за его старшего
брата, которого милиция расстреляла. Вот Коныскерей и
убил в отместку кого-то из начальников.

Хаким с интересом взглянул на брата. Увидел расши-
рившиеся почти в детском восторге глаза и покачал голо-
вой. Спорить не стал.

Лошадям пора было дать передышку, и Сулеймен остановил фаэтон перед въездом на мост. Здесь у речки приютилась харчевня. Хозяйку, щеголиху Кербез, знала вся округа. Для проезжих у Кербез всегда кипел самовар, можно было покормить и коней.

Путники вошли в дом, умылись, отдохнули. Когда сели за чай, мягкий рев нара оповестил о прибытии нового гостя. Сулеймен вздрогнул. Братья обменялись выразительными взглядами. «Он!» По бледному худому лицу Алибека пробежала тень волнения и восторга. Тонкие брови взметнулись вверх, чуткие ноздри раздулись. Сердце заранее замерло: сейчас собственными глазами увидит он Робин Гуда наших дней.

— Еще один гость прибыл, — сообщила Кербез, наскоро придвигая братьям пиалы с чаем. Она поспешно вышла и так же торопливо вернулась. — Гость тоже хочет здесь остановиться. Не будете против, если я приглашу его сюда?

Алибек шепнул брату: «Это он, пусть заходит».

Хаким, не торопясь, размышлял о чем-то, поставил пиалу на дастархан. Внимательно посмотрел на хозяйку.

— Что же, пусть заходит. Вы знаете его?

Хозяйка вскинула брови, кокетливо повела глазами.

— Знаю, как и других. Когда едет по этой дороге, останавливается здесь чаю попить, как и вы, — она обольщающе улыбнулась, стараясь растопить суровость Хакима.

«Ишь как вертится, бесовка! Не совсем, видно, точно прозвали тебя Кербез¹. Или хочешь отвлечь внимание от своего странного постояльца?» — подумал Хаким, но виду не подал. Смотрел спокойно, будто и не слышал сладкого голоса, не видел игриво бегающих глазок. Поднес пиалу к губам, стал пить чай мелкими глотками...

Окна, двери были открыты настежь, и прохладный степной ветерок гулял по харчевне, лаская лица. Братья сидели за дастарханом, пили чай, и каждый думал про себя: «Намеренно этот нарлы ищет встречи или случайно пути наши здесь сошлись? Может, задумал что-нибудь? Что ждет нас?»

А проезжий уже подвел нара к хлеву, расположенному поодаль, и привязывал теперь коня в тени. Вот он скольз-

¹ Кербез — гордая.

нул взглядом по паре распряженных темно-серых рысаков. Предусмотрительно покосившись на окна и двери дома, быстро нагнулся к пролетке. Вот забросил на плоскую крышу хлева какой-то предмет, завернутый в мешок. Крыша высокая, нелегко дотянуться и рослому человеку, но он без труда резким движением протолкнул свой длинный сверток подалше. Теперь можно и в дом.

— Пусть будет сладок ваш чай, мирза! — приветствовал он братьев. — Узнали, наверно? Пришлось ведь уже сегодня встретиться. На переправе... — Говоря это, он не сводил глаз с Хакима. Потом повернулся к Сулеймену: — Послушай-ка, сын атанши! Ты, я заметил, джигит быстрый, да и подсоби мне к тому же. Ну-ка, пойдем, подмогни мне. Есть для тебя одно пустычное дельце, — сказал и тотчас же вышел.

Сулеймен и рта не раскрыл, потащился вслед. Пока шел, страх улегся. Начал с интересом разглядывать незнакомца. Восхищали его рост — полтора Сулеймена будет, и прочно сбитое тело, и плечи — не слишком крутые, но мощные.

— Освежуй этого тохты, — черноликий кивнул на барашка, привязанного в темном углу хлева. — Мясо целиком опусти в казан Кербез. Да смотри, чтобы быстро! Должно поспеть, пока не зайдет солнце. Посидим с твоими мирзами за одним дастарханом, побеседуем за дедовской трапезой.

Сулеймен топтался и бегал вокруг него, словно тетерев.

— В два счета разделаюсь, — пообещал он, ловко подхватив барашка за ноги и связывая их...

Нарлы занес в дом пестрый коржун, прислонил его в углу, снова вышел. Помылся в сенях и, не ожидая приглашения, подсел за чай к дастархану.

Братья недоумевали, зачем этот человек вызвал Сулеймена? Что задумал? А он, удобно скрестив длинные ноги, заговорил, обращаясь к изучавшему его Хакиму.

— Мирза пыркарол, не побрезгуйте! Я степной казах, простой, неученый. Весь тут, сапоги с толстыми голенищами да широкий шекпен. Как говорится, дорога одна и почесть одна. Меня от далекой Кызылкуги, вас от Джамбейты привели сюда, видимо, хлеб-соль Кербез. Что ж, давайте вместе чай пить.

Кербез разворошила под чугунным чайником — кумганом горящий уголь. Заварила заново чай и принялась разливать по пиалам. Гость покопался в коржуне, протянул ей в бумаге леденцы, печенье.